

Жизнь вопреки

Автор:

Евгения Михайлова

Жизнь вопреки

Евгения Михайлова

Детектив-событие

Лара подверглась нападению, не видит смысла жить и каждый новый день воспринимает как продолжение мучительной пытки...

Марина всегда была робкой тихоней и маминой дочкой, но ей нужно измениться, чтобы не потерять единственного родного человека...

Светлана слишком долго терпела постоянные скандалы и претензии матери, в результате чего оказалась главной подозреваемой в ее убийстве...

Героини остросюжетных рассказов Евгении Михайловой по-разному понимают справедливость, но готовы ради нее и на преступления, и на подвиги...

Евгения Михайлова

Жизнь вопреки

сборник рассказов

© Михайлова Е., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Персонажи и события вымышленные. Все совпадения с реальными фактами случайны.

Месть природы

День Лары неохотно тянулся к вечеру. В последние полгода больше всего усилий она тратила на борьбу с собственным раздражением. Она приходила в свой кабинет, чтобы делать любимую работу, но с самого утра ощущала только изнеможение, потерю всех идей, желаний и интересов. Как будто тянула за собой тяжелую телегу, доверху заваленную обидами, болью и алогичным чувством вины. Лара выпадала из бессонной ночи и впадала в заранее постылый, напрасный день, от которого не имело смысла ждать облегчения. А что делать с таким багажом заведующей отделом информации ежедневной газеты? Лара так любила своих сотрудников. У нее было особое отношение к тексту. Она читала репортаж и в самом слабом тексте сразу видела то, что при небольшом изменении, другом освещении и акценте станет яркой сенсацией, журналистской удачей. Она умела это объяснить автору в нескольких фразах, и все привыкли к маленькому чуду, которое повторялось неизменно несколько раз в течение дня. А Лара с удовлетворением замечала, как робкий начинающий журналист постигает самый главный секрет профессии и уже без всяких подсказок находит и свой стиль, и эффектную подачу, и способность прийти к точному и лаконичному выводу. Ибо таков жанр репортажа. Это не усвоишь в теории. Это можно понять только с помощью нервных окончаний и толчка в крови, то есть услышав голос интуиции.

И вот теперь Лара сидит за своим компьютером. Читает тексты тех же людей. Они были ей так интересны – и люди, и события, о которых они пишут. Но сейчас она видит только тусклую банальность, глаз и нервы царапают косноязычие, невнятность мысли и позиции. И раздражение расплывается в крови, как ржавчина по светлому металлу. Такое состояние – это профессиональная

непригодность, с отчаянием понимает Лара. Надо или все бросать, или мчаться к врачу за рецептами от депрессии. А дальше что? Тупеть от лекарств? Проваливаться на ночь в летаргию без тоски и страданий? Принимать равнодушно материал, в котором всего лишь нет грамматических ошибок, как, впрочем, и смысла?

После работы Лара поставила машину во дворе и зашла в магазин за какой-нибудь едой. Магазин был в нескольких метрах от подъезда. Возвращалась, думая лишь о неравной борьбе с вечером и кровопролитной битве с ночью.

– Лариса, – раздался рядом голос, который она не сразу вспомнила. – Здравствуй. Ты меня узнала? Мне мама сказала, что ты переехала. Ей твоя мама адрес дала. Вот я и решил зайти. Мимо проезжал.

Лара потрясенно смотрела на молодого мужчину, определить которого можно было только одним словом: совершенство. Да, конечно, она его узнала. Кто же забудет чудо-мальчика Стаса из их школы... Но они не встречались лет десять как минимум. Неужели жизнь бывает так благосклонна к одному своему избраннику? Стас не просто не потускнел и не огрубел, не утратил сияния своей невероятной красоты. Он возмужал и стал победно, неотразимо прелекательным. Лара прикинула в уме возраст Стаса. Когда он пришел в первый класс, она была в седьмом. Значит, сейчас Станиславу тридцать.

– Кокетничаешь? – произнесла Лара вслух. – Как будто ты встречал людей, которые смогли тебя не узнать или забыть. Насколько мимо ты проезжал? Где твоя машина? Есть время зайти? Сразу скажу: у меня не убрано, из еды только то, что в этой сумке. Черный хлеб, помидоры, консервированная кукуруза и банка маринованных опят. Это салат, если ты не понял. Я сама его придумала.

Лара смотрела на серьезное, почти озабоченное лицо Стаса и очень надеялась, что он откажется. Она ему рада, она с удовольствием с ним посидит, поговорит о прошлом, о детстве. Но только не сегодня. На самом деле это проблема – невымытый пол, посуда с утра в раковине, и все уныло, безрадостно, и говорить ей совершенно не хочется в принципе. И на кого она сейчас похожа... Собственно, это уже проблема Стаса: рядом с ним все люди ни на что хорошее не похожи.

– Лара, а давай я действительно зайду, – сказал своим взрослым голосом выросший мальчик из детства. У него был мягкий, бархатный баритон с теплыми,

почти родственными интонациями. – Я вижу, что ты устала и тебе не нужны внезапные гости. Но я на самом деле не мимо проезжал. Я тебя жду. Твоя мама сказала моей, что у тебя проблемы, ты не звонишь, не приезжаешь. Я даже спрашивать ни о чем не буду. Просто посижу полчаса. Если сразу надоем – уйду. Можно?

– Конечно.

К Ларе вернулось привычное раздражение. Эти мамы. Наверное, невозможно любить человека и беспокоиться о нем, не нарушая его личного пространства. Никогда не объяснишь, что человеку бывает необходимо побыть совсем одному. И вот Стаса выдернули, как безошибочное средство. Ему никто не откажет в беседе, его нельзя не пустить в дом. Они никогда не были особенно дружны, ничего общего. Просто мамы общались, а девочка и мальчик, разные по возрасту, испытывали друг к другу симпатию. Себя Лара очень хорошо понимала: Стас не просто обладал редкой внешностью, он всегда был очень вдумчивым и тонким человеком, даже в раннем детстве. Вот что он в ней видит интересного – понять труднее. Должно быть, у Стаса была детская потребность в старшей сестре, как у многих единственных детей... С ним можно чем-то и поделиться, но потом его будут пытаться: как она выглядела, что говорила, что на стол поставила. А он такой деликатный, что не сможет оставить мам вообще без информации, принесенной из разведки.

Они пришли в однокомнатную квартиру, которую она снимала после развода с мужем. Обитель ее тоски. Конура между стенами, в которых бьется большой комок ее поражений, потерь и неверия в то, что возможен просвет. Конечно, она здесь ничего не ремонтировала, ничего не покупала. Смысл тратить время и деньги?

– Ну... Ничего, – примирительно произнес Стас, осмотревшись. – Бывает лучше, но ты же временно тут живешь. Далекое, конечно, очень. От нашего двора я пилил часа два.

– В том и суть, – попыталась легко улыбнуться Лара. – Это же отлично – переехать в другую квартиру и оказаться на краю земли.

– Так ты это понимаешь? Тогда вообще все в порядке.

Стас вошел с ней в кухню, открыл свою небольшую кожаную сумку через плечо и поставил на стол бутылку хорошего шампанского, стеклянный бочонок с королевскими креветками в рассоле и пирожные со сливочным кремом и клубникой из кондитерской, которую Лара обожала. То есть мама снабдила гонца инструкцией по поводу того, перед чем Лара, на ее взгляд, не устоит.

– Здорово, – сказала Лара. – Раз пошла такая пьянка, я попробую приготовить что-то горячее. Вдруг поняла: я не просто проголодалась, я как-то давно ничего человеческого не ела. Закрутилась, понимаешь. И немного пропала.

– Понимаю, – серьезно ответил Стас. – Я тоже рассчитывал на полный ужин. Мне помочь?

– Вот это ни в коем случае. Пошли в комнату, там есть один приличный предмет – большое кресло. И я включу тебе телевизор. Постарайся найти самую глупую фигню. Я приду – хоть посмеемся, как в школе.

– Курить можно?

– Да ради бога. Возьми это блюдо в качестве пепельницы.

Стас ушел, а Лара постояла в задумчивости. Он курит. Он выглядит как взрослый опытный мужчина. Возможно, женат. Как с такой красотой пролететь мимо всех охотниц. Это все меняет дело: мальчик из детства стал незнакомым человеком. Люди меняются до неузнаваемости со временем. Но почему-то она не чувствует ни неловкости, ни стесненности, да и ее неусыпное раздражение почему-то прошло. Это можно объяснить только одним: они по-прежнему на одной теплой волне.

Лара обнаружила в холодильнике четыре яйца, сыр и масло. В шкафчике была мука и все, что нужно для оладий, – пика ее кулинарных возможностей. И она принялась готовить обильный, по ее представлениям, ужин, которым можно накормить и крупного мужчину в конце дня. Омлет, салат, горка оладий. Да еще креветки и пирожные... Есть шанс умереть счастливой смертью – от обжорства. Лара резала, мешала, жарила, пекла и рассматривала прошлое, которое вдруг явилось в ярких красках, в родных до боли в сердце запахах, в свежем ветре оттуда, куда не вернуться.

Стасик – сын врача-эндокринолога местной поликлиники Инны Сергеевны. Это высокая, некрасивая, сдержанная, молчаливая женщина, обладающая одним несомненным талантом: в нужный момент она умела оказать совершенно необходимую помощь. Иногда это был короткий совет вместо рецепта на слишком дорогое лекарство. Иногда телефон хорошего специалиста, который не откажет после ее рекомендации. Иногда Инна Сергеевна просто вовремя оказывалась рядом с людьми, которых сразило непоправимое горе. Так случилось, когда выяснилось, что непонятное заболевание бабушки Лары – все же онкология, во что никому так не хотелось верить. Тогда они и стали если не подругами, то очень приятными друг другу людьми – врач Инна и художник-иллюстратор Даша, мать Лары.

Лара очень хорошо помнит себя лет с трех. Так что в шесть, когда тетя Инна вышла замуж за полноватого, добродушного и симпатичного мужчину-математика, она уже сознательно и с интересом наблюдала за происходящим в жизни близких ей взрослых людей. Тетя Инна была неформальной родственницей. Когда Ларе было семь, тетя Инна родила своего единственного ребенка. Ей было больше сорока лет.

Дальше Лару больше интересовало собственное взросление: школа, ровесники. Ничего интересного в пухлом младенце с огромными синими глазами в черных ресницах она не находила.

А в то первое сентября как будто молния осветила и выхватила из заполненного людьми школьного двора одну яркую картинку. Лара и сейчас видит это, как кадр незабытого фильма. От ворот к школе идут полный кареглазый мужчина и мальчик. Они ни на кого не смотрят, серьезно о чем-то беседуют, а все расступаются перед ними и не могут оторвать глаз от ребенка. Такие лица пишут великие мастера. Такую внешность придумывают авторы романтических любовных историй. Но встретить еще хоть раз в жизни такое совершенство в банальной ситуации, среди обычных, нормальных, то есть ничем не выдающихся людей, – это невозможно, конечно. Лара никогда не видела никого, кто хоть отдаленно напоминал бы Стаса. Не отдельными чертами, а такой победной гармонией, которая поражает до состояния стресса.

Видимо, многие тогда этот стресс и испытали. Лара обостренным слухом ловила разговоры чужих мам. И прекрасно понимала, что это зависть.

– Ненормально красивый ребенок, – говорила одна. – Тут что-то не так.

– Точно не так, – авторитетно заявляла другая. – Я читала целую статью о том, что слишком правильная, красивая до нереальности внешность скрывает дефект мозга. Непоправимый, к сожалению.

– Да, – скорбно подтвердила третья. – Так выглядит жестокая месть природы. Закон компенсации. Мне их всех очень жаль. Вот и результат поздних родов.

Папа простился с сыном и ушел. А Стас впервые посмотрел вокруг себя, и в его глазах Лара уловила даже не растерянность, а недоумение. Он, видимо, ощутил холодок недоброжелательности. Другие дети его совсем не знали. Собственные родители его так оберегали, что он общался только с ними. Любой, наверное, побоялся бы выпускать из виду такого ребенка. Лара бросила своих подруг и подбежала к нему.

– Привет! Тебе, конечно, тут не нравится, но, знаешь, ничего страшного и плохого. Пошли, я тебе все покажу. И где мой класс, чтобы ты мог прийти, когда нужно. Обедать будем вместе, пусть твоя мама договорится.

Лара поставила на большой поднос свои кулинарные художества, сама с удовольствием полюбовалась натюрмортом, понюхала и понесла поднос в комнату.

– Помогай мне, Стасик. А ты помнишь свой первый день в школе? Я отлично помню. Ты такой отстраненный, даже немножко отверженный, как принц крови в изгнании, а все вокруг тебя обсуждают. Ты-то сам понял тогда, что о тебе говорили?

– Что? – с интересом спросил Стас. – Нет, я не знаю.

– Чужие мамы говорили, что ты слишком красивый для нормального человека. И сошлись в диагнозе – точно дефективный олигофрен. Такая месть природы.

– Seriously? – рассмеялся Стас. – Хорошее было время, и люди смешные. Но я в тот день видел только тебя.

«Месть природы» за красоту выразилась в случае Стаса в том, что он всегда был первым учеником, отличником и неизменным победителем олимпиад. В семнадцать лет поступил в МФТИ, в двадцать восемь стал профессором Университета Флориды.

- Ты в отпуске? – спросила Лара.

- Да, взял большой, творческий для завершения проекта. Дали на год. Есть идея.

- Неужели вам такой отпуск дают? Вот бы мне сейчас.

- И дают, и оплачивают. Идея заинтересовала. Но я в Россию прилетел на симпозиум в Питере. Утром самолет. Так за что выпьем? Тупо за встречу?

- Да. И за тот школьный двор, когда мы с тобой рассмотрели друг друга. За то, что наша дружба такая необычная, похожая на родство. И за то, что для нее не нужны частые встречи, потому что время и расстояния ничего не меняют.

- Я бы не сумел так сказать, но я, конечно, именно так и думаю.

Стас был в таком восторге от омлета и оладий, как будто, кроме кильки в томате, ничего до сих пор не пробовал. Если притворялся, то очень умело. Но Ларе казалось, что ему на самом деле все так нравится. Что ему уютно и хорошо в этой ее конуре, столь постылой для нее самой. Да и ей стало гораздо теплее, светлее и спокойнее, что ли. Если бы только мысль о больной ночи и ненужном завтрашнем дне не резала сознание холодным лезвием. Стас уйдет, а на нее сразу нападут ядовитые горести, перед которыми она оказалась совершенно бессильной. И никак она не дождетя хотя бы отупения. А ей бы просто войти в будничные порядки, как солдату в привычный строй...

Как так получилось, что она стала обо всем рассказывать Стасу, Лара и сама не знала. Ни с кем об этом не говорила. Хотя приятельницы и друзья у нее имеются. Есть и просто люди, которые рады с ней пообщаться, с удовольствием поддержат. И она бы, наверное, к кому-то из них побежала или поползла из последних сил, если бы речь шла о том, что достойно приличного слова «трагедия». Но у нее так – просто обидная, обыденная, даже пошлая реальность, состоящая из некрасивых, мутных, невидимых миру событий, которые втягивают ее в унижительную беспросветность, как в болотную тину. Никому даже не

объяснишь, почему так парализована воля, почему умирают, не родившись, слова. Это не горе, это скорее стыд и сознание собственной неполноценности, что, конечно, нужно скрывать, чтобы не вызвать презрительную жалость... А для Стаса слова нашлись. Простые, как детские кубики.

Развелась с неумным и недобрым мужем. Ответила на влюбленность приятного, обаятельного и талантливого человека. Сняла эту квартиру: потом, когда поделят с мужем их общую, что-то купит. Возлюбленный Толя тоже развелся с женой, хочет в принципе на Ларе жениться. Только он очень слабый и болтается между брошенной женой и обретенной любовью, как щепка в дождевом потоке. Толя – не добытчик, не защитник, не, не. Не... Но ведь это такая редкость – взаимное притяжение, человеческая близость и настоящая страсть. Так бы все и шло – в чем-то хуже, в чем-то лучше, чем у других. Но произошло даже не несчастье. Наверное, всего лишь большая неприятность.

Лара ушла из редакции поздно вечером. Была в тот день без машины, поехала на метро. Толе даже не стала звонить: если в такое время он не звонит сам, значит, выпивает с коллегами после рабочего дня, оттягивает момент выбора: куда ехать. К Ларе или к бывшей семье, где его по привычке ждет дочка, как ему кажется.

Лара вышла из метро и пошла короткой дорогой – через небольшой пустырь. Был он безлюдный и неосвещенный. Ее чем-то оглушили сзади, стали душить. То ли маньяк, то ли просто сумасшедший. Когда Лара смогла видеть, она рассмотрела только совершенно белое пятно вместо лица да услышала треск разрываемого пальто и юбки. Наверное, то был все же ненормальный: он не искал застёжки, а разрывал плотную ткань почти легко, с нечеловеческой силой.

О сопротивлении не могло быть речи. Лара думала только об одном: убьет или нет. И ничего не чувствовала, даже боли. Когда у него что-то получилось, он стал бормотать какие-то нежности, мерзко дышать в лицо, а потом вообще заныл, как тоскующее животное.

К Ларе вернулись сознание и силы, она поднялась, резко и далеко оттолкнула его, проговорила положенный набор угроз и побежала, не оглядываясь. Насильник остался позади, даже не пытаясь ее догнать.

Такая, в принципе, почти ерунда для взрослой женщины. Она не потеряла невинность, она даже не уверена в том, что у этого уroda что-то получилось. Надо было просто отмыться, выпить чего-то крепкого, поспать и забыть. Так бы

она и сделала. Но поздним вечером, как назло, приехал Толя. И она ему все рассказала. Вот это и стало бедой: его реакция.

Анатолий был в таком ужасе, панике, потрясении, что ничего не смог скрыть. Как будто все, что ему было дорого, растерзали и растоптали без возможности возрождения. Лара смотрела на его искаженное страданием лицо с чувством страшной пустоты и разочарования. Он ни разу не вспомнил о ней, он говорил только о своей беде.

- Какая, к черту, твоя беда, - сумела наконец вставить она. - При чем тут вообще ты? Ты меня вообще заметил? Ты подумал о том, что я, а не ты, сейчас чувствую? Я! Не ты, который явился после попойки с друзьями, а вместо радости у тебя такой облом.

- Да, - покорно согласился Толя. - Ты права. Такое я дерьмо: могу думать лишь о своем переживании. Ну, что поделаешь...

- Дерьмо, - подтвердила Лара. - Уходи.

Потом он долго ходил туда-сюда, не меняя ни темы, ни интонаций, ни заунывности своей песни акына, в которой был только он сам. И однажды Лара вдохнула в прихожей запах перегара, взглянула в красные от бессонницы, а может, и от слез глаза, сжалась вся от предчувствия повторения пройденного, забрала из его руки ключи и вытолкала его на площадку.

- Больше не открою, - сказала она перед тем, как захлопнуть перед его носом дверь.

Вся история заняла бы на бумаге несколько абзацев, а накрыло ее тяжелой свинцовой волной, кажется, навсегда.

- Это не навсегда, - мягко сказал Стас. - Это обязательно пройдет. Я не большой психолог, но мне кажется, тебе нужно для себя решить, что ты потеряла. Анатолия или себя. Дальше будет легче выстроить причины.

Лара даже улыбнулась:

– Какая светлая у тебя голова, мой дорогой, мой самый лучший на свете ученый.

Она улыбнулась, а глаза заполнились жгучими слезами, наверное, от неожиданного облегчения. И тут произошло невероятное. Прекрасные синие глаза Стаса тоже повлажнели, его идеальной формы рот и подбородок вздрогнули, как от нестерпимой боли. Он не встал со своего места, не коснулся ее руки, лежащей на столе, а просто произнес:

– Я бы сам разрезал сейчас на куски свое сердце, если бы смог. Только бы ты не страдала. Хочешь, я найду их обоих – и придурка с пустыря, и твоего жалкого друга? Первому оторву голову или что-нибудь другое, другу дам по морде и приведу сюда. Хочешь?

– Ни в коем случае. Но такие идеи гораздо дороже их исполнения. Мне стало легче от того, что они у тебя появились. Меня сейчас не интересует ни тот, ни другой. Ты прав: дело в том, что я сама себя не интересую. Это ноющее, скулящее, бездарно проживающее дни существо... Я разлюбила себя и почти возненавидела свою жизнь.

Стас молча встал, взял со стола пачку сигарет и вышел на кухню. Вернулся минут через десять. Достал из нагрудного кармана твердый прямоугольник в пластиковом футляре и положил его перед Ларой.

– Этот портрет я всегда ношу с собой с восьмого класса. С ним уехал в Америку, с ним там женился, с ним приехал сюда. Это моя единственная любовь, мечта и вся жизнь. Не собирался никогда тебе в этом признаться. Для нас и наших семей это может выглядеть как теоретический инцест. Но это так. Я быстро уйду, только наберу на твоем мобильнике свой телефон.

Он не ушел, он просто испарился вместе с тем прямоугольником в футляре. А Лара все смотрела перед собой, не в силах даже перевести дыхание. Этот портрет ее мама написала с нее, когда работала над обложкой толстой книги для детей старшего возраста. Лара запомнила только название: «Динка». Что сейчас свалилось на нее? Какое-то чудо, которое почему-то она ощущает как грозовое облако. Чем пристальнее вглядывается, тем оно тяжелее и темнее.

Ночь Лара встретила без привычного страха и тоски. Наоборот: она вошла в нее, как в волшебный шатер, он окутал ее теплой темнотой, освещенной золотыми

звездами. Такая любовь. Человека-совершенства. Ей... За что? Как это возможно? И если бы не это чертово несчастье, Стас никогда бы ей не признался. Он подарил ей правду в качестве каната, по которому она может спуститься с места казни в свою жизнь. В жизнь, в которой еще, быть может, возможно счастье. Но не со Стасом, конечно. Он правильно поступил, что уехал от нее на другой край земли, женился. Да, она тоже чувствует этот непреодолимый барьер почти кровного родства. Их семьи никогда бы этого не поняли. Их разница в возрасте. Их разница... Лара – обыкновенная женщина, ей даже воображения не хватит, чтобы представить себе другие отношения со Стасом.

А что бы на самом деле она сказала, если бы он ей признался в любви до всего? До ее замужества и встречи с Толей? До своей Америки и женитьбы? До всего того Лара была глупей и самонадеянней, она бы почувствовала себя страшно польщенной... И сказала бы, наверное: нет. Ты слишком красив, ты совсем мальчик, мы брат и сестра, мы и так вместе... И бежала бы в свою обычную жизнь. И повторила бы все свои ошибки.

Но почему? Почему она? Перед Стасом не устоит ни одна актриса Голливуда. Лара в своих страданиях совсем забывала посмотреть в зеркало. Это утратило смысл: она никому не хотела нравиться. А себе она уже не понравится никогда. Она присела к туалетному столику и зажгла бра над большим зеркалом. Волшебный шатер продолжал показывать ей чудеса. Из зеркала на нее посмотрела та самая девочка с портрета. Те же большие, грустные темные глаза, та же шапка каштановых кудрей, тот же яркий полный рот, готовый и смеяться, и плакать. Хороший художник ее мама. Благодарный и благородный человек Стас. Роскошный мужчина, который для нее никогда не выйдет из круга родства. Но как же все странно. Лара встала, глубоко вздохнула. Из легких как будто уходил ядовитый туман. Потянулась. Пусть будет у нее такой маленький праздник до утра. Она допьет шампанское, доест пирожные, ляжет спать и увидит сон про тот школьный двор с лучом счастья и любви, который есть у нее, несмотря ни на что. Утром Стас улетит, не факт, что они вообще когда-то еще встретятся. А она встанет, приведет себя в порядок и выйдет из дома не как побитая подзаборная кошка. Он полетит дальше по своей, несомненно, великой жизни с ее маленьким портретом в кармане. Он настолько необычный человек, что ему этого достаточно для неземной любви. В этом Лара не сомневалась. Даже школьные физик и математик говорили, что Стас станет выдающимся теоретиком.

Утром Лара вышла из дома, как из многолетнего заточения. Почувствовала на губах горький вкус осеннего ветра, слизнула целительные капли дождя. И день был плодотворный. Лара вновь встретилась со своим вдохновением, узнавала знакомые, вновь приятные лица, ловила выражения, разгадывала загадки обычных слов, из которых может сложиться призыв, удар, потрясение и ликование. Вернулась домой, смешала остатки вчерашних продуктов в особо креативном салате. Принялась убирать квартиру. Она допускала, что, вернувшись из Питера, Стас заедет еще раз к ней перед возвращением в Америку. Симпозиум продлится три дня. Надо доводить квартиру до стерильности. Его мама чистюля, мама Лары всегда считала дочь неряхой. Им обоим будет очень приятно узнать, какая она замечательная хозяйка. К ночи подумала, что обычный человек после признания в любви позвонил бы на следующий день. Ну, так то обычный... Звонок в дверь раздался в два часа ночи. Она долго не открывала, была уверена, что это Анатолий, и не хотела очередной сцены. Потом все же открыла и в изумлении уставилась на Стаса:

- Ты же в Питере!

Он вошел в прихожую, устало прислонился к стене и произнес:

- Я нигде. Я сутки метался между небом и землей. А сейчас даже не помню, где был.

- Что-то случилось?

- Все случилось. Догадки, версии и самые сокровенные тайны вмиг становятся трагедией, если их озвучить, разоблачить, открыть миру или одному человеку. Вероятно, это аксиома, о которой я не знал. Дело в том, что я не смог оторваться от тебя с картинкой в кармане. Она больше не работает. Она - не ты. Я вчерашний, тот, который был год и тридцать лет назад, не тот, кем стал сейчас.

- Я не очень умная, Стасик, может, объяснишь, о чем ты. Трагедия... Мне даже холодно стало, мы так хорошо встретились.

- Мы плохо встретились, потому что когда-то не должны были расставаться. Мы не брат и сестра. Мы не дети, которые поют, взявшись за руки: «Пусть всегда будет мама». Мы мужчина и женщина. Я не мальчик, не тот особо тупой олигофрен, который людей заметил впервые на школьном дворе. У меня были

женщины, я прекрасно отношусь к своей жене. Я был искренне убежден, что ты для меня что-то вроде божества, данного для того, чтобы светить издали. И надо было держаться от тебя подальше. Но я посмотрел, коснулся, вдохнул... Заболел и стал умирать. За эти сутки я мог остановиться только один раз, чтобы прыгнуть с набережной в воду. Сердце такое тяжелое, потянуло бы, как камень.

– Уточни, – строго сказала Лара. – Ты же не хочешь, чтобы мы сразу изменили свои и чужие жизни? Чтобы ты изменил своим обязательствам перед людьми и наукой? Чтобы мы ранили близких? Чтобы я отказалась от работы и страны?

– Ни в коем случае. Никаких программ и отказов от обязательств. Понимаешь, мы просто те кусочки вселенной, которые не могут разлететься, не коснувшись друг друга. Пусть я оторвусь от тебя окровавленным, с разбитым сердцем, но я должен знать, что в мире есть одна женщина. И она моя. Прости за эгоизм.

– И это сделает тебя счастливым?

– Это сделает меня несчастным, спокойным и уверенным. Я не зря родился. Я умру мужчиной. А в промежутке столько успею сделать... Все то, о чем ты говорила: обязательства перед наукой... Покорми меня, пожалуйста.

Как хорошо, что у Лары остался ее особо креативный салат. И хлеб. И половинка пирожного. Такого любовного пира не видели еще небеса.

То, что казалось непреодолимым барьером, рухнуло сразу. Иллюзия родства мягко растворилась в горячем потоке крови мужчины и женщины, которые сошли с ума, встретившись, чтобы расстаться. Лара ни на секунду не теряла ощущения чего-то невероятного и неповторимого. Ничего прекраснее она не видела, не переживала. И никто, наверное, такого не знал. Даже женщина, которая стала женой Стаса, не узнав его любовником.

Утром она рассматривала лицо спящего Стаса, его обнаженные плечи, грудь, руки. И в ее растопленном от нежности сердце остро и больно заворочался осколок разбитой иллюзии. Или треснувшей жизни? Они ведь такие люди, которые не смогут теперь ни вернуться назад, ни сделать решительный шаг вперед. Обязательства. Перед близкими, делом. Наукой. Перед стальным принципом ложно понятой порядочности, который когда-то может оказаться и трусостью, и преступлением. Но сейчас все именно так. Он проснется, умоется

и уйдет, не пытаясь договориться о времени следующей встречи. Возможно, успеет выступить на симпозиуме.

Ларе хватило половины ночи, чтобы научиться читать и понимать своего невысказанного возлюбленного. Стас именно так себя и повел. Помылся, оделся, долго и преданно смотрел Ларе в глаза. И ушел, не коснувшись даже ее руки. Он уже был тем кусочком вселенной, которому суждено улететь, возможно, окровавленным.

Лара прожила неделю между счастьем и несчастьем, ощущая себя в параллельной реальности, почти не узнавая собственное отражение в зеркале, свой голос, которым она спокойно общалась с другими людьми. Работала, глядя на себя отстраненно, не ждала звонка от Стаса, сбрасывала звонки от Анатолия. Родителям послала СМС со словами: «Фарингит. Нечем говорить. Потом позвоню».

Однажды утром, взглянув на серое небо, решительно натянула теплый спортивный костюм и вышла на пробежку. Бежала, с трудом справляясь с дыханием, успешно довела себя до состояния физического изнеможения. Отдыхала и выдыхала под теплым душем, почти блаженно думала, как она вернется к самой себе. Главное, режим, физические нагрузки, питание и хороший сон. Все, как говорила мама. А потом от того, что с нею произошло, в душе и теле останутся только теплые воспоминания и выстрадавшая, утомленная грусть. С этим не только можно, с этим хочется жить и знать, что ее не обошло что-то очень похожее на чудо. Оно исцелило ее, разгладило рубцы от страшных и постыдных ран, вырвало из будничной беспросветной колеи. Оно с ней, в отличие от Стаса, о котором она почти не думает. Просто ощущает как совершенный круг холодного солнца, осветившего ее тело и душу. Видимо, она для него – примерно то же. Их удел – теория.

Через две недели Лара ответила на звонок с незнакомого номера и не сразу узнала голос Инны, матери Стаса. Сначала ничего не могла понять из сумбурных вопросов и обрывочной информации. Потом выстроила картину происшедшего. Инна знала, что Стас был у Лары в гостях. Потом он улетел в Питер на симпозиум. Позвонил матери после своего выступления, сказал, что на следующий день летит домой в Америку. Но через несколько дней позвонила его жена Эмма и сказала, что Стас не прилетел. Инна узнавала в гостинице, в которой он останавливался: Стас выехал сразу после симпозиума. В справочной аэропорта матери сказали, что такого пассажира не было на

рейсах в Америку. Инна обратилась, куда только могла придумать. Пока все бесполезно. Полиция Питера ищет даже его тело. Вот решила на всякий случай Ларе позвонить: вдруг она что-то знает.

Голос у Инны был больной, полубезумный. Сын для нее – это все. Она давно одна, муж внезапно умер от обширного инфаркта. Она уже не тот врач, у которого есть нужные связи и возможности.

– Я ничего не знаю, Инна. Но прошу вас, успокойтесь. Есть какое-то нормальное объяснение. Стас у меня говорил только о своем проекте, идее, которая волнует многих. Он мог там встретить коллег-единомышленников, поехать к кому-то, забыть обо всем. Но я прямо сейчас начну что-то делать. Искать, узнавать. Я же все-таки в редакции, у нас есть информаторы. Буду звонить.

Лара в отчаянии сжала мгновенно распухшую голову руками. Пометалась по квартире. Нужно отогнать мысль о том, что случилось самое страшное. Это первая мысль, когда речь идет об исчезновении такого яркого человека. У него были деньги, карты... Потом заставила себя остановиться и трезво подумать. Инна сообщила, куда только могла. Это значит, в полицию Питера, Москвы. Видимо, в посольство. Формально ученого, конечно, ищут. Но Лара отлично знает, что такое в России слово «формально». Надо искать своего человека, который вхож во все кабинеты и умеет получать любую информацию. И такой человек есть, она не раз подключала его к редакционным расследованиям. Это Сергей Кольцов, частный детектив.

Лара позвонила Кольцову ночью. Он просыпался в процессе разговора, объяснив, что вернулся после тяжелого дела два часа назад. Затем скомандовал:

– Пришли СМС с его телефоном и имейлом. И все данные, конечно. Вызову своего программиста, попытаемся отследить что-то, не отходя от моего дивана. Если обрыв всего, то, наверное, надо искать только тело. Но сдается мне, мы выйдем на след. Не очень представляю себе, кто, как и где мог бы убить такого человека. Да и зачем. Ту сумму, которую можно найти у иностранного ученого, легче грабануть у никому не известного гражданина рядом с банкоматом. Сразу успокою: были у меня случаи. Этот Станислав Галицкий пьющий?

– Конечно, нет. То есть как все. Бокал шампанского за ужином.

– Ясно. Они все «конечно, нет», бокал шампанского. А я находил светлые умы в разобранном виде после литров водки и даже самогона. Ударяет их наше национальное своеобразие. И никто потом особо не жаловался, наоборот. Короче, поспи. Позвоню наверняка только поздно утром. На всякий случай: ты готова полететь, если что-то или кто-то найдется?

– Разумеется.

Логика профессионала и пофигиста – хорошее успокоительное. Все, что сказал Сергей, разумно. Лара даже допустила «литры водки или самогона». Именно непьющий человек и не разберется сразу в опасности подобных напитков. А люди бывают навязчивые и в маниакальной степени гостеприимные. А Стас улетел в страшном потрясении, как ни крути. Одно дело – умозрительно все верно решить про вселенную и ее разлетевшиеся кусочки. Другое – справиться с жаром своего тела, тоской души.

Лара перезвонила матери Стаса, у нее получилось немного успокоить даже Инну. Чуть преувеличила информацию, полученную от детектива: «Этот Кольцов обнаружил двенадцать известных ученых в разное время на всяких квартирах и дачах после симпозиумов. Их просто споили. Но они все были в восторге. Одного он нашел вообще в отделении полиции, его взяли за то, что он в пьяном виде посреди улицы выкрикивал какие-то непонятные тексты на английском языке. Оказалось, это были его открытия в химии. Тоже улетел довольным домой».

Перед тем как лечь, она проверила, сколько денег у нее на карте и в кошельке. Достала свою сумку для командировок, в которой всегда лежало все необходимое. Провалилась в сон. Снились ей какие-то грязные дороги с лужами, она шла по ним и искала чьего-то потерянного ребенка. И нашла перепуганное дитя с круглыми глазами, какого никогда раньше не видела. Но прижала к себе, как сокровище. Проснулась довольно поздно, позвонила на работу, сказала, что полежит с гриппом пару дней. Успела принять душ и выпить кофе, когда позвонил Сергей.

– Собирайся, мать. Едем. Нашелся. Все примерно так, как я говорил. Только он трезвый, как сообщил мне мой осведомитель.

Сергей скупно объяснил, что работали они только с мобильным телефоном Стаса. На этот номер пришла СМС с адресом. Прислал ее один из участников симпозиума, российский ученый из питерского НИИ. Он все правильно понял и пошел на контакт с детективом. Это оказался адрес принадлежащего ему домика в глубине Калужской области. Нашелся и таксист, который отвез Стаса туда поздно ночью после симпозиума.

– Я даже не расспрашивал особо этого владельца, громко говоря. Ясно, что с такими апартаментами помогают тому, кому очень нужно спрятаться от всех. Наша задача – не разоблачение, если я правильно понимаю. Так что едем на машине. На месте сама решишь, что делаем.

– А что мы можем сделать? – растерянно спросила Лара.

– Откуда мне знать? Не я затевал всю эту бодягу с поисками тела. Мое скромное мнение – людей, которые прячутся от всех остальных, надо на время оставлять в покое. Если, конечно, не ты причина того, что не последний ученый, забив на все, зарылся в деревню, о существовании которой я узнал только сегодня. А я не гений из Флориды.

– Возможно, я причина, – тихо ответила Лара. – Нечаянная. Но давай так. Я посмотрю и, если мы там не нужны, сразу едем обратно. Я только его матери позвоню.

– Ладно. Предвижу упоительную прогулку. А собирался сегодня следить за придурком-маньяком. А ты любуйся окрестностями и постарайся там пообщаться спокойно, без истерик. Знаю я этих теоретиков. Им бабский визг на лужайке – нож в сердце. Прости, конечно. Но допускаю, что он от чего-то подобного сбежал. У него же жена есть. Вот что я имею в виду.

Это оказалась избушка на курьих ножках. Зброшенный деревянный домик, какие достаются людям по наследству и не стоят времени на их продажу и денег на усовершенствование. Да и место... Самое то место, чтобы обрести иллюзию полной изоляции от мира, как на необитаемом острове.

Сергей поставил машину вдалеке, за огромным засыхающим дубом. Лара медленно пошла к домику. Стаса увидела сразу. Он подходил к крыльцу с другой стороны, в каждой руке по ведру воды. Видимо, тут есть колодец.

Увидев Лару, спокойно поставил ведра на землю и посмотрел на нее не с удивлением, а с вопросом.

– Извини, – произнесла Лара. – У тебя тут телефон не ловит, я не могла позвонить. Просто мы с твоей мамой волновались. Но если хочешь, я сразу уеду. Я на такси. Но я еду привезла и кофе в термосе.

– Войди, прошу тебя, – голос Стаса прозвучал умоляюще. – Я там немного помыл, убрал. Не очень страшно. Там даже походная печка с углями топится.

Стас очень похудел за эти дни, был небрит, глаза воспаленные, больные. Одет в какую-то страшную телогрейку и огромные чужие сапоги. Может, он убивает тут свою волю или, наоборот, неволю, но его красота стала только пронзительней, почти грозной. В этой заброшенности она светилась одухотворенно и скорбно.

В единственной комнате было действительно чисто. А с этой печкой почти уютно. Лара разложила свои бутерброды на пластиковых тарелках, разлила по кружкам кофе. Просто обед. Она посмотрела на лицо Стаса, на его руки, на огонь, переливающийся в печи, и подняла глаза к потолку: не светят ли там звезды, мы точно на земле? Спихватилась и послала Сергею СМС:

– Задерживаюсь. Время оплачу. В случае чего ты таксист.

Пришел ответ: «На таких условиях задержись на месяц. У меня с собой было. Не беспокойся».

Лара Стаса не торопила. Если начнет прощаться, ничего не объясняя, она просто уедет. Но он заговорил.

– Мне не по себе от того, что вы волновались, ты помчалась искать, как будто в чем-то виновата. А я просто решаю задачу, и это возможно только в таких условиях. Мне очень повезло: друг предложил. Ты же знаешь, я всегда решаю задачи. И вот сейчас я положил на одну чашу весов крошечную звездочку по имени Лара, на другую – всю свою жизнь, порядок, семью, науку, планы и самые отчаянные амбиции: я всегда хотел быть первым. И случилось невероятное. Эта вторая чаша взлетела резко вверх и превратилась в пыль. Это то, что остается у меня без тебя. Оказывается, у самого убежденного теоретика есть враг –

реальность. Она убивает при столкновении.

Никогда Лара не слышала ничего более беспощадного, самоубийственного. Она глубоко вдохнула, собрала с силами и вступила в бой. Она объясняла на пределе своих логических возможностей самую простую на свете вещь. «У обычных людей все решается обычным образом. Начнем с этого: я есть у тебя, ты нужен мне. А потом по сто лет отработанному порядку. Можно мирно расстаться с женой, можно разделить себя между любовью и работой. Это очень просто в спокойном состоянии. Можно решить все проблемы с жизнью на две страны или выбрать одну. Это не трагедия. Трагедия только гибель, смерть. А мы нашли друг друга».

Несколько простых коротких мыслей, а говорили они много часов. Поздно ночью Стас подвел итог:

– Я верю тебе. И я, конечно, справлюсь.

Они приехали в Москву на утомленном, но очень заинтересованном извозчике. Лара постоянно ловила в зеркальце любопытные взгляды Кольцова. Приехали в ее квартиру. Стас помылся, поспал, привел себя в порядок. При Ларе позвонил маме и жене, сообщил о разводе. Успокоил своих коллег в Америке: «Нужно было в тихом месте срочно ответить себе на пару вопросов по проекту». Он улетел из Москвы через сутки. Через неделю позвонил и сообщил, что все уладил, летит к ней. Купил обручальное кольцо.

– Прислать фотку? Если тебе не нравится, я поменяю.

– Мне понравится и аптечная резинка на палец, если ее наденешь ты.

Они договорились, что Лара будет ждать его дома. Приготовит оладьи и салат. Самолет прилетал из Майами в Шереметьево в семь утра. Лара с трех ночи отслеживала информацию в интернете.

Рейс такой-то... «Источник в аэропорту Шереметьево сообщил, что в салоне бизнес-класса скончался от сердечного приступа пассажир. По неподтвержденным данным, это американский ученый».

А дальше тишина. Лара очнулась для жизни после всего: после криков отчаяния, после слез, которые разъели все стены и границы, оставив ее одну под испепеляющим солнцем несчастья и муки. Она вернулась в свою колею с одним, невыносимым в своей окончательности опытом. Мечь природы коварна и изобретательна. Она в том, чтобы явить обычным людям облик совершенного человека без тени изъянов и в самый незащищенный час, час ожиданий и надежд, отобрать все у одной жертвы. Виновной лишь в том, что недостойна совершенства. Как все, впрочем. Но все и не рассчитывали. Не собирались присвоить сокровище самой природы.

Пройдет очень много времени. Лара сумеет себе сказать: у меня это есть. Я богата. А Стас навсегда остался решительным и счастливым.

Окончательный диагноз

Бюро по дизайну интерьеров было детищем, успехом, работой, отдыхом и единственным развлечением Ольги Селивановой. Она очень любила вечер, когда сотрудники расходились, а комнаты – не кабинеты – маленького офиса заполнялись тишиной и блаженным покоем. Ольга обходила крохотные помещения – каждое на одного сотрудника, – медленно, придирчиво рассматривая каждую мелочь. Здесь все было по ее вкусу, замыслу, проекту. И ничего случайного – ни стула не в стиль и не в тон, ни лампы, выпадающей из продуманного рисунка. Даже корзины для бумаг Ольга долго выбирала по эскизам и заказывала не самым дешевым мастерам. В этом и была страсть перфекциониста: все, на что упадет взгляд и до чего дотянется рука, должно быть маленьким шедевром, достойным человеческого внимания и уважения. Не путать с роскошной обстановкой и дорогими побрякушками, хоть бы и антикварными. Красивыми и совершенными могут быть одна-две вещи, но ансамбль, когда создатель, как правило, теряет чувство меры, часто становится безвкусицей, дурным тоном и демонстрацией человеческой ущербности. Ольга была так же категорична в оценке людей, как и в выборе деталей в работе. Но с людьми все сложнее, они лишены такого достоинства, свойственного предметам, как застывший облик. Они меняются, иногда на глазах, часто неожиданно и неприятно. И в этом проблема. Та самая проблема, которую Ольге необходимо обходить за версту. Не так сложно для человека, призвание которого музыка вещей.

Заказчики бюро почти всегда были людьми образованными, интеллигентными и редко богатыми. Художник Коля постоянно пытался продвинуть свою перспективную идею:

– Я руками и ногами за наш изысканный вкус, наши принципы меры, достоинства и всего такого прочего. Это класс. Я, Оля, тобой восхищаюсь: никаких поблажек дурновкусию клиентов. Отметаем жлобов как ненужный мусор со своего светлого пути. Но есть такой пустяк, как деньги, которых требуют хороший вкус и высокое мастерство. А ты это требуешь даже на пустом месте. И мы не сильно поступились бы принципами, если бы зашли и с другой стороны. Тут у нас царство совершенного стиля, а где-то сзади, в чуланчике, – продукт на продажу. Кич, блеск, футы-нуты, вы меня поняли. Все из дорогих и сверхдорогих материалов и, разумеется, совсем другие цены за работу. Есть категория денежных мешков, которые себя обманутыми посчитают, если их не обдерут как следует. И это все – техническая подпитка нашего вкуса и наших талантов, которые останутся приоритетными в основном деле.

– Я подумаю, – всегда отвечала Ольга. – Очень боюсь подмены. В чулане может остаться как раз то, ради чего я все затевала. Деньги – это болезнь, большие деньги – эпидемия. Нам придется так пахать на создании вульгарных золотых хором, что приличным людям не останется места – ни заказчикам, ни сотрудникам.

– Не усугубляй, мать. Ты склонна к страшным преувеличениям. Начнем с того, что мы не будем расширяться, четко разделим все в процентном отношении. Вот рассчитай, прошу, ту сумму, которой нам не хватает ежемесячно для наших самых заветных планов. А я тебе кину бизнес-план по кичу и, пардон, жлобам. Даже хирург иногда оперирует маньяков. Во имя жизни.

– Да ну тебя, – рассмеялась Ольга. – Считай, убедил. Скажу свое решение.

Так закончился их разговор сегодня. Коля был таким хорошим художником, таким честным и по большому счету бескорыстным человеком, что стоило пойти ему навстречу хотя бы затем, чтобы его не увели более разумные конкуренты. И в том, что он говорит, есть смысл: денег им не хватает. Подмена дорогих материалов – дерева и тканей – на более дешевые, выгадывание на количестве – это уход от идеи совершенства. А повышать цены за работу Ольга не может, потому что уйдут культурные клиенты. И этот замкнутый круг пора разорвать.

Ольга вошла в ванную комнату за своим кабинетом, придирчиво осмотрела себя в большом зеркале. В конце рабочего дня она выглядела точно так же, как и в его начале. Это результат многих усилий, но никто никогда не догадается, каких именно. Речь не об особом уходе или чудо-косметике. Секрет Ольги – равновесие. Так бы она ответила на самый пристрастный допрос и ни за что не допустила бы уточнений.

На работе она была или в сером костюме с юбкой, или в черном брючном. Пиджак приталенный, юбка и брюки облегают, но не стесняют движений. Блузка каждый день свежая – нежных оттенков разных цветов. Аккуратные волны светло-каштановых волос – просто хорошая стрижка, без укладки, ресницы на светло-карих глазах слегка подкрашены. Кожа на лице очень светлая, но бледной она не кажется, как будто лицо освещается слабым розоватым отблеском изнутри. Мелкие, нежные и смешные веснушки на носу и скулах придают лицу Оли выражение детской доверчивости. А небольшой правильной формы рот всегда сжат плотно и непримиримо.

Ольга не торопилась домой не потому, что жила одна, никто не ждет и прочая ерунда. Наоборот: она любила свою маленькую, такую же совершенную, по ее представлениям, квартиру, как и это место работы. И хорошо ей там было именно потому, что она одна. Там есть все, что ей нужно и что она любит. Даже ужин – всякий раз другой – она готовит себе накануне. Оля в свои тридцать пять лет удивительно молодо выглядит, она совершенно здорова физически, у нее отличный аппетит и прекрасный, глубокий и освежающий сон. И она всякий раз перед выходом из дома или офиса повторяет это себе, как заклинание. Это правда. Но сейчас ей нужно преодолеть дорогу до дома. Дорогу, по которой едут другие машины. А в этих машинах едут другие люди. Они выходят, заходят в магазины и подъезды, они встречаются взглядами с Олей. Они все и всегда опасность. Иногда смертельная. В этом дело.

Она уже взяла сумку и ключи, чтобы запереть офис снаружи, как раздался звонок в дверь. Рабочий день закончился час назад, это написано на двери, но клиенты вечером часто не успевают из-за пробок. Оля открыла дверь и впустила полную женщину в кожаной куртке, с черным хвостом длинных волос, и мужчину в очках.

Это была типичная пара: средний класс, который хочет казаться на порядок круче. Похоже, работают оба, но в семейных делах солирует супруга. Они купили небольшой дом в приличном поселке, соседи не простые, хотелось бы им

пустить пыль в глаза. И все это по сходной цене. Примерно это в нескольких фразах сказала или дала понять клиентка.

– У нас закончился рабочий день, специалисты уже разошлись, – сказала Ольга. – Но чтобы не получилось, что вы зря приехали, я могу показать наши работы. Если понравится, то подпишем договор. И над вашим индивидуальным проектом будет работать конкретный сотрудник. На определенном этапе к нему подключается наш художник, я все проверяю и одобряю, – и вы принимаете или нет.

– Давайте. Показывайте ваши фоты, – одобрительно улыбнулась клиентка.

И они вернулись в кабинет Ольги. Она достала альбомы и показала слайды.

– И сколько, к примеру, вот это? – спросила женщина.

– Могу назвать только допустимые пределы, результат зависит от множества деталей, но в целом у нас приемлемые цены. Когда вы на чем-то остановитесь, я вас сориентирую.

Они рассматривали работы увлеченно и довольно долго. Обсуждение сводилось к тому, что жена говорила: «Вот это, да?» Муж одобрительно хмыкал или просто кивал.

– Слушай... Ольга, да? – произнесла клиентка. – Все здорово, есть класс. Но как-то скучно немного, не нашла ничего яркого, на что глаз положить.

– Вы правильно заметили, – объяснила Оля. – Просто яркие вкрапления интерьера, бронзовые и темного золота детали очень тщательно отбираются тем специалистом, который будет с вами работать. Это не просто должно сочетаться со всем, но и отвечать вашим вкусам и настроениям. Не мешать и не раздражать никогда. Короче, это все есть, но это личное, так бы я сказала. Поэтому я не выставляю такие фотографии.

– Тогда отлично. Напиши на это примерную сумму... Хорошо. Нас устраивает. Давай свой договор.

Договор писали, конечно, на имя жены. И лишь когда она четким почерком написала: Мария Петровна Захарова, показала паспорт, Ольга позволила себе ее узнать.

– Маша Захарова, ты, что ли... А я узнавать начала только сейчас. Ты же была такой худой в школе.

– Селиванова?! Точно ты?! Чтоб я пропала. Если тебя можно вообще узнать. Вижу, что фамилия знакомая, но даже в голове не держу. Такая стильная, клевая телка. Ты Оля чокнутая, что ли? Только не обижайся, мы же тогда любя так говорили. Гоша, Оля со мной в одной школе училась. Мы даже немножко дружили. Почти. Ну, как же здорово все вышло. Я вообще-то жрать хочу, собирались заскочить в пиццерию рядом с этой конторой. Пошли с нами? Угощаем, раз ты теперь такая важная птица.

Ольга не раздумывала. Что-то ярко вспыхнуло в ее мозгу, как самый важный сигнал, которого она долго ждала. Взяла сумку, закрыла дверь, и они втроем, оставив машины во дворе, пошли в пиццерию за углом.

Муж Георгий заказал три пиццы с разным наполнением, умело разрезал их на куски и разложил по большим тарелкам, чтобы у каждого были все варианты. Принес высокие бокалы с холодным пивом и даже произнес что-то вроде тоста:

– За знакомство и даже со свиданьем, как говорится. Бывают такие удачи – войдешь в незнакомое место, а там человек, который сидел с тобой за одной партией или вообще на соседнем горшке в детском саду. И все это не случайно, скажу я вам. Выпьем за дружбу и плодотворное сотрудничество. Мы передаем, Оля, в твои руки крышу дома своего. Только так и не иначе.

Еда была вполне съедобной, ничего страшного в порядке исключения, решила Ольга, которая питалась лишь тем, что готовила сама. Пиво немного согрело кровь, прошел озноб, вызванный потрясением.

– Маша, ты работаешь? – спросила она.

– Ага. Мы вместе. Купили автозаправку, я там бухгалтер. Думаем расширяться.

- Дети есть?

- Это пока ни к чему. А у тебя как?

- Я одна.

- Ну, это понятно, вообще-то. Молодец, что такое дело замутила. Нам твое бюро рекомендовали приличные люди.

- А как твои подружки? Аня и Лида? Видитесь?

- Да так, знаешь, раз в сто лет, если наткнемся друг на друга. Перезваниваемся, правда, иногда. Анька сначала развелась, потом выгнала не меньше трех сожителей. То есть это она говорит, что выгнала, а я думаю, они сами от нее сбежали. По факту, живет с сыном лет десяти, без образования, работает где придется. Сейчас санитаркой в больнице. У Лидки все здорово. Чуть ли не сразу после школы устроилась секретаршей к какому-то депутату, стала его помощницей. Потом он на ней женился. Она внешне всегда ничего была. Сейчас не узнать: шик и блеск, понтов телега. Детей вроде нет. У него есть от первого брака.

- Интересно как. Депутат... Не помнишь фамилию?

- Никаноров вроде. Сама понимаешь, такие, как мы, не их круг. Так что не общаемся, пару раз только они у нас заправлялись. Удостоила сказать: «Привет».

В сумочке у Ольги звякнула СМС, она взглянула на телефон: дежурное сообщение мобильного банка, - и произнесла:

- Прошу прощения, это очень важная встреча. Мне надо срочно бежать. Вы спокойно доедайте, у меня машина. Теперь уже точно увидимся скоро. Приходите завтра или в любой другой день. Спасибо, я очень рада встрече.

Ольга вошла в свою квартиру, закрыла все сверхпрочные запоры и долго стояла посреди комнаты, не зажигая ни одного из своих дизайнерских светильников. Особого рисунка и покроя шторы были плотно задвинуты. Оля очень старалась

не потерять равновесие, она сжала кулаки, вжалась босыми ступнями в пол, закрыла глаза и ощущала плотный комок, в который превратились все ее внутренние органы. А вокруг пылающей головы кружился хоровод тех страшных видений, которые она безуспешно пыталась усыпить двадцать лет.

Она подумала, что надо успеть дойти до кровати, чтобы не упасть и не разбить лицо. Но несколько метров между нею и ее уютно, любовно свитым гнездышком под шелковым балдахином уже горели и взрывались. Живой не дойти. Она опустила на пол, свернулась в клубочек и прикрыла голову руками. Стало немного легче. Она сумела прерывисто, с тяжелым всхлипом вздохнуть и шевельнула губами без звука:

- А теперь давайте. Приходите. Я готова.

Оле Селивановой было пятнадцать, когда ее тайна стала известна всем. Она страдала редким врожденным заболеванием, которое на самом деле даже и не болезнь вовсе. Биполярным расстройством психики называется моральное выживание человека между крайностями, противоположными эмоциями. Активная и страстная надежда на возможность исполнения своих задач и целей, уверенность в своих силах сменяется тяжелой депрессией, паникой, отчаянием и страхом. Она жила с мамой, которая страдала от костного туберкулеза, но тогда еще не только самостоятельно передвигалась, но и находила для себя работу. У мамы было высшее медицинское образование, она сама быстро разобралась, в чем проблема ее удачного, очень привлекательного внешне, физически здорового и на редкость умного ребенка. Справлялась сама до тех пор, пока эмоциональную нестабильность Оли можно было корректировать только лаской и уговорами. В школе Оля была среди самых сильных учеников. А потом началось такое обострение, что пришлось обратиться к психиатрам. В нашей стране, в нашей школе объявить, что ребенок нуждается в психиатрической помощи, – это серьезный поступок и великий риск. Сначала все было нормально, ведь страдания Оли никогда не выражались в каких-то необычных поступках. Речь была только о возможности внутреннего преодоления собственной скрытой боли.

Но однажды ей показалось, что за ней наблюдают. В разных ситуациях она чувствовала всей своей тонкой кожей одни и те же острые, любопытные, подстерегающие взгляды. То были взгляды Маши, Ани и Лиды, трех подружек, которых называли «мушкетерами наоборот». Они были грозой всех слабых, изнеженных и просто зазевавшихся. И Оля сразу поняла, что они ждут ее

периода упадка и бессилия. Она изобрела для себя такую школу муштры, которая никому не снилась. Научилась скрывать любые эмоции, казалось, от всех. А в тот день она просто расслабилась. Нежно светило солнышко, на детской площадке пищали забавные малыши. И вдруг раздался отчаянный плач: три подружки, здоровые пятнадцатилетние дылды, отобрали у ребенка игрушку и с хохотом развлекались, доводя малыша до истерики. К ребенку бросилась молодая мама, которая до этого говорила по телефону, но ее умело оттеснили «мушкетеры». Оля что-то крикнула, даже не вспомнить что... Бросилась к этому ребенку. И началось.

Подруги оставили малыша в покое, с жадным вниманием уставились в страдающее лицо Оли, обменялись понимающими взглядами и вывели Олю на открытый кусочек пластиковой травы перед песочницей. Никто не видел, чтобы ее били. Это были умелые подсечки по щиколоткам, по коленям, в результате которых она упала. Ее заставили подняться и встать на четвереньки. Голоса, чтобы позвать помощь, у Оли не было, но и не к кому уже было обращаться. Взрослые быстро разобрали своих детей и убежали подальше от всем известных хулиганок. Остались дети, которые пришли без родителей, а потом появились зрители из числа школьников, возвращающихся после уроков, и просто зевак. Девцам все сходило с рук именно потому, что они якобы «прикалывались» и никому не причиняли вреда. Тот факт, что папа Маши Захаровой был заместителем начальника отделения полиции района, завершал картину этих художеств. С этим никому не хотелось связываться.

Оля запомнила каждое слово, все их издевательства и оскорбления. Они поднимали ее голову за волосы и заставляли смотреть в их страшные лица палачей. Ей было физически очень плохо, ее тошнило, она хотела в туалет... Сколько времени тогда прошло – час, много часов, – она так никогда и не смогла вспомнить. Пиком казни было то, что девки задрали ее юбку, стащили обмоченные трусики и всем их показывали, хохоча:

– Психуша обоссалась, она ходит в школу без памперсов...

Потом одна из них сбегала в школу и привела Витю, мальчика из параллельного класса, который «бегал» за Олей, они даже один раз поцеловались у ее подъезда. И Оля видела его почти безумные, растерянные глаза, вокруг все визжали и смеялись, а он... Он просто убежал.

Сколько тысяч или миллионов раз она все это пережила за всю последующую жизнь? Это не вопрос. Вопрос в другом: сколько это ей еще переживать, свою казнь, позор, свою растоптанность навеки.

Тогда Олю увезли в больницу. Подружек пожурили за то, что обидели больную девочку. Они легко объяснились: «Так мы просто поржать, кто знал, что она такая». Ходили, конечно, героинями. Состояние Оли было настолько серьезным, что это подкосило и ее мать. Зинаида передвигалась со страшной болью, но знала, что ей ни в коем случае нельзя сесть в инвалидное кресло. Была реальная опасность, что Олю в этом случае отправят в психоневрологический интернат. И это был бы конец ее будущему и, возможно, жизни. Так они вдвоем пробивались к Олиному совершеннолетию – сквозь боль, страдания, страх и унижения.

Наверное, самым счастливым случаем в Олиной судьбе стала встреча с Иваном Петровичем, одним из врачей больницы. Он подолгу с ней разговаривал, очень многое объяснял, и его вывод в конце концов и стал жизненной программой Ольги.

– Ты не больна, – сказал он. – Ты, наоборот, одарена редкой и яркой эмоциональностью, восприимчивостью, впечатлительностью. В тебе есть много талантов. Наверное, ты могла бы стать актрисой, лучше Сары Бернар. В тебе столько способностей к разным предметам. И один враг, который может все загубить. Это твой собственный страх. Но в тебе есть и сила, раз ты сохранила полноценность к пятнадцати годам. Это долгий и хороший путь к взрослости. Я верю в тебя. Ты необыкновенный человек.

– Один враг? Страх? – с недоумением спросила тогда Оля. – А все? А эти? Три «мушкетера наоборот»?

– Все – это никто, – резко ответил Иван Петрович. – Стадо – куда поведут. Надо уметь видеть в толпе людей и только их. А эти трое... Просто мрази. Такой мой медицинский диагноз. Это не лечится. Ужас перед ними вытесняй презрением. И борись. За себя.

И Оля боролась. До девятнадцати лет вместе с мамой, потом одна. Маминых сил хватило только на такой срок. Оля по-прежнему была среди самых сильных учеников школы, потом в числе лучших студентов архитектурного института.

Она знала, что всегда должна хорошо выглядеть, заниматься спортом и правильно питаться. В идеале избавиться от потребности в каких-либо лекарствах. Оля хотела и, наверное, могла бы стать хорошей актрисой, но тут ее победил страх. Она всегда будет бояться увидеть эти три взгляда из зрительного зала. Так что ее маленькое, чудесное и почти совершенное до сегодняшнего дня бюро – идеальное решение. Было. Сегодня туда вошла Маша Захарова.

К утру Ольга добралась до ванной, приняла контрастный душ, вошла на кухню. Открыла аптечку, просто посмотрела на единственный тюбик с успокоительными таблетками и захлопнула дверцу. Приготовила свой продуманный вкусный завтрак. Поела на лоджии, глядя на светлеющее небо с розоватым намеком на солнечный день. Сварила кофе, поставила чашку на стол и ровно, спокойно сказала себе:

– Мрази. Борись. Возмездие.

Это был план, еще более выношенный, чем идея своего дизайнерского бюро.

На работу Ольга Селиванова пришла, как всегда, за двадцать минут до начала трудового дня. Навела порядок на своем и без того безупречном столе. Когда в ее кабинет заглянул поздороваться лучший дизайнер Никита, как поступали все приходящие сотрудники, она попросила его зайти.

– Вот договор и контакты, Никита. Тебя, конечно, о таком не нужно просить, но я все же скажу. Сделай, пожалуйста, в самом лучшем виде. Как для меня или себя. Если мешают другие проекты, мы их передадим кому-то другому. Это очень важно. Речь о подруге детства. Знаешь, как это бывает: из серости пробивается к красоте. В этом можем помочь только мы.

– Красиво сказано, – задумчиво произнес Никита. – Из серости к красоте. Я сразу увидел, что требуется. Это дом?

– Да. Свяжись с Машей прямо сейчас.

Художника Колю Ольга пригласила к себе в кабинет в конце рабочего дня.

– Извини, задержу на минуту. Это личное. Я сегодня читала отзывы на работу бюро и твою в частности. Самый восторженный отзыв о тебе от клиента по фамилии Кольцов, подписался как частный детектив. Это так или просто шутка?

– Конечно, так. И, как я узнал, он очень хороший детектив. И мужик при этом отличный. Он написал, что я ему скрасил развод, создав произведение искусства из однушки, которая ему досталась в результате жестокости судьбы. На самом деле он сам так поделил четырехкомнатную квартиру. Жене с ребенком – трешка. Скажу честно: я там выложился, так за душу взяла драма. Мы там пили и пели песни про разбитую любовь.

– Пили и пели? – строго спросила Ольга. – Покажи мне фото этой квартиры после твоей работы.

– Вот, – с гордостью произнес Коля, открыв на ее компьютере галерею снимков по проекту «Кольцов». – Как?

– Отлично и необычно. Если он пришел в такой восторг, значит, что-то понимает. Не исключено, что человек умный и неплохой.

– Я тащусь от твоих выводов по поводу любой ерунды, – рассмеялся Коля.

– Ерунды не существует, – серьезно ответила Ольга. – Ты не можешь меня связать с этим Сергеем? И дать что-то вроде рекомендации.

– Без проблем. Оля, если тебе нужна помощь – любая, – я тут, рядом. Ты только свистни. А Сережа тебе позвонит.

Кольцов приехал к Ольге на следующий вечер. Они обменялись короткими оценивающими взглядами, и Ольга сразу перешла к делу:

– Нужна информация о таких людях. Мария Захарова, замужем, но фамилию оставила девичью. Вот адрес, телефон. Анна Коркина, точно знаю только адрес, по которому она жила, когда училась в школе номер 155. Работает санитаркой в какой-то больнице. Есть сын около десяти лет. Лидия Никанорова, жена депутата с такой же фамилией. Остальное, видимо, легко узнать. Все три одного возраста. Жили в одном районе с родителями, учились в одной школе...

Информация требуется особая, скрытая. Компромат. Если такой есть, разумеется. Это возможно? Не слишком сложно? Люди не публичные, кроме депутата, не из тех, о которых пишут на каждом заборе.

- Я бы определил сложность – проще пареной репы. Если в течение суток ничего не найду, разговора не было. Если что-то есть – подписываем договор. Из него будет ясно, что все навсегда между нами. Должен уточнить: может ли идти речь о вытекающих из информации действиях?

- Да.

- Ясно. Тогда сотрудничаем. Доклад через сутки.

Сергей вышел из дома, закурил и подумал: «Интересный человек эта странная девушка. Особый».

Ольга в изнеможении выпила полный стакан холодной воды и спаслась от сути происходящего, ею затеянного, размышлением оформителя: «Красивое лицо у этого сыщика, но глаза слишком синие. Для совершенства облика нужны серо-стальные. И волосы ни в коем случае не такой блонд. Только темно-русые с проседью».

На следующий вечер Кольцов вошел в квартиру с каким-то подчеркнuto расслабленным видом. Сказал «привет», как доброй подружке. Пожаловался на трудный день, какую-то погоню и без приглашения прошел сразу на кухню. Поставил на стол две бутылки пива, выложил наборы с солеными рыбками и сырными палочками. Затем большую коробку мороженого.

- Не знаю пока вкусов, – сказал, как будто его наняли именно как кормильца-поильца. – Но для меня главное после тяжелого дня – поесть. После того, как немного выпить. Мне кажется, так у всех, или у тебя иначе? Ничего, что мы будем на «ты»? Так удобнее во всех отношениях.

- Нормально.

Олю обдала волна нервной дрожи. Она почувствовала приближение чего-то опасного, скорее всего, болезненного.

Они какое-то время накрывали стол, обменивались простыми бытовыми фразами, немного выпили, Оля что-то проглотила.

– Оля, – произнес Кольцов. – Ты умный человек, и ты, наверное, понимала, что в поисках инфы на тех людей я непременно начну с тебя. С твоих причин. Я нашел твою историю. О ней была даже заметка в газете. Ты не в курсе? Короче, я в теме полностью. Пообщался и с журналистом, и с врачом, и с одной учительницей, которая на пенсии. Прежде всего скажи: как ты относишься к моему вторжению в твою личную драму?

– Боже. Я отношусь к этому ужасно. Я не понимала и не подумала. Я в шоке. Это моя тайна, мне кажется, что ее разоблачение – начало моей окончательной гибели.

– Это эмоции. Я по делу: ты настолько ужасно к этому относишься, что готова дать отбой расследованию? Тайна будет в сохранности. Кстати, ей в любом случае ничего такого критичного не грозит.

– Нет, – произнесла Ольга непослушными, немеющими губами. – Нет, только не отбой. Если ты говорил с Иваном Петровичем, то знаешь, что он сказал мне «борись». Я понятия не имею, как бороться, но все во мне требует полноты информации об этих людях. С вершины прошедшего времени. А вдруг они стали прекрасными, порядочными женщинами, а то была просто ошибка подросткового возраста, ерунда для здорового человека. И если для меня это до сих пор самая страшная беда и открытая рана, значит, я на самом деле бракованное, лишнее создание природы, не способное выжить в мире обычных, нормальных людей.

– Пламенная речь. Не рискну даже портить ее своими размышлениями. Скажу коротко и по делу. Твоя позиция кажется мне нормальной для человека с душой, сердцем и кожей нежнее, чем у носорога. Это рана. По фигурантам: они не стали прекрасными женщинами. Оставим термины для окончательного вывода. О цели, которая тебе самой не ясна. Мое мнение: есть варианты корректировки некоторых обстоятельств. Скажем так, для блага человечества, которое тоже нуждается в постоянном совершенствовании, чем и занимается твое бюро. И по фактам имеет смысл довести кое-что до сведения объектов. Расставить, так сказать, точки. Если ты мне доверяешь, то остановимся на таком плане.

– Доверяю? Не так. Я изо всех сил, от всего своего отчаяния тебе доверяю. Как человек, который еще никому и никогда не доверял и не собирался. Только сегодня давай не будем о том, что ты узнал о них. Моя голова и так сейчас взорвется.

– Конечно. Я сегодня и не собирался. У меня отчет не доведен до кондиции. Нужны документальные уточнения: видео, фрагменты из личных альбомов и переписки. Только не надо делать такие страшные глаза. Да, без хакеров частные детективы – эскимо на палочке. Мне нужно несколько дней. Сейчас допиваем пиво. Предлагаю потом вместе посмотреть кино. И больше ни о чем. Только замечу сразу: сильный человек – это не тот, кто не чувствует боли и страха. Это тот, который способен дойти до правды и справедливости, изнемогая от страданий, истекая кровью. Это про тебя, обиженная девочка из школы номер сто пятьдесят пять.

Утром Ольга проснулась со странным, робким и согревающим чувством, будто у нее впервые в жизни появился если не друг, то, по крайней мере, соратник. И это даже скреплено бумажкой с подписями. В этот день ее осеняли чудесные идеи, она наметила новые проекты.

В назначенный для отчета день Оля с рассвета начала собирать свои эмоции, как раненых воинов для парада, привязывать их к напряженному мозгу, скреплять союз идей: «Борись». Вечером купила бутылку красного вина, ужин на двоих она приготовила с утра. Ольга была готова к отчету по своим врагам.

Сергей пришел в назначенное время минута в минуту. Одобрительно взглянул на стол, обошелся без своих прибауточек, что говорило об одном: он настроен очень серьезно.

– Один вопрос по повестке нашего совета почти в Филях. Сразу работаем с файлами? Они на этой флешке. По времени минут сорок. Видео, фото, переписка, есть даже интервью со свидетелями. Или предпочитаешь сначала суть по каждому объекту в коротких выводах?

– Только выводы. Только коротко, – поспешно ответила Оля. – Я весь этот взлом и компромат вообще не смогу смотреть. Это плохо, это неприлично. Это невыносимо, наконец. Неужели не понятно, что я от такого только окончательно с ума сойду?

– Для выводов и, в принципе, любого разговора у меня есть профессиональная потребность, чтобы собеседник, партнер и клиент выпустил себя из воображаемой клетки для сумасшедших, – терпеливо отреагировал Кольцов. – Я там не работаю. И я здесь, потому что твой психиатр авторитетно меня заверил, что ты – просто яркий, нестандартный и в силу этого слишком ранимый человек. Ты ни разу не сумасшедшая. На собственном опыте я убедился, что ты сумела поставить серьезное дело. И это не просто талантливо, но и жестко, точно, я бы сказал, по-мужски. На этом мой запас ободряющих комплиментов закончился. Предлагаю выпить по бокалу и приступить. Хорошо, пусть будет только вывод. Но материалы ты посмотришь. В противном случае все теряет смысл. Бог или дьявол, как говорится, в деталях. Дизайнеру это известно лучше других.

Оля проглотила свой бокал вина, как болеутоляющее средство. Но мозг ее работал в таком бешеном режиме, что она запомнила не только каждое слово отчета, но и все интонации, паузы, многозначительные взгляды в сторону флешки с файлами. Главное там. И всю ночь она бесконечно воспроизводила произнесенное Сергеем.

Мария Захарова. Анна Коркина, Лидия Никанорова. И вновь Маша. Аня, Лида. Мушкетеры наоборот.

В абсолютной, почти нереальной тишине ночи, когда за окном как будто замерли звуки, шорох и шепот, Оля слышала только мягкий баритон Сергея. Принимала в ладони, на слабые плечи, на дрожащую от напряжения грудь тяжелые и острые, как камни, слова. Пыталась усмирить новый гнев и ту старую боль. «Только без эмоций», – остроумно посоветовал ей частный сыщик, когда вечером закончил отчет и прощался в прихожей...

Мария Захарова и ее муж Георгий Гришин. Они активные участники свингер-клубов, движения БСДМ, а попросту – приверженцы садо-мазо в сексе, что является их сугубо личным делом и особенностью темпераментов. Они в поисках удовольствий уже не могут ограничиваться кулуарностью и секретностью. Им потребовался выход в интернет-группы и форумы с обменом впечатлениями и материалами. То есть их интимная жизнь уже требует участия и одобрения братьев и сестер по разуму и остальному. И это все имеет право на существование, кому не нравится, тот не откроет такие страницы. Но есть кое-что серьезное. Одно в нашу тему.

На видео номер один Захарова и Гришин приходят в клуб с атрибутикой БСДМ с девушкой, которую представляют как свою гостью, дальнюю родственницу. Сообщают, что Инге скоро девятнадцать лет и что она не новичок в их увлечениях. Дальше ты увидишь жесткое порно: одна девушка, с которой занимаются садистским сексом все остальные члены клуба, независимо от пола. Трудно понять, она кричит и сопротивляется по роли или по другой причине. И это просто существует, можно принимать или нет.

Дело в другом. Мы опознали девушку по изображению и пробили информацию о ней, более того, нашли ее. Она не Инга и не родственница. Она школьница Надя Петрова, ей чуть больше пятнадцати лет, и живет она в том районе, где у Марии с мужем есть автозаправка.

Видео два. Медсестра. Лицо закрыто, фамилию и место работы не назову даже тебе. Рассказывает, что девочке Наде Петровой делали аборт по справке о состоянии здоровья. Делали тайно, справка явно покупная, по времени операция была после того, что было на видео один, через три месяца. Интервью с медсестрой тоже платное, разумеется.

Видео три. Разговор с Надей Петровой. Она пошла на контакт. Рассказала, что после вечера в том клубе ее нашел Гришин, показал видео, сказал, что оно появится в интернете, если она не поедет с ним. Они были вместе на какой-то квартире, так что виновник беременности, видимо, он. Надя в этом уверена. Она во всем призналась матери, та заведующая детским садом, угроза огласки ее страшно напугала. Приняла то решение, о котором и рассказала медсестра. Надя плакала и сказала мне: «Если вы сыщик, найдите и уничтожьте то видео. Мама вам заплатит». Видео четыре, пять и шесть – тот же клуб, тот же состав, та же пара, но с ними по очереди три разные девушки с разными легендами. Легенды – чистая ложь. Все девушки несовершеннолетние.

Анна Коркина. Тут ситуация проще и, возможно, безысходнее. Она живет с десятилетним сыном Петей. Пьет и регулярно его избивает. Дверь в квартире не меняли со времен строительства дома, то есть лет тридцать. Она из фанеры, замок отжимается коленом. Видео изнутри. Оно короткое, но по мне – смотреть тяжелее, чем порно. Жесточайшая, озверевшая мразь, воспользуюсь медицинским термином, не просто срывает на ребенке всю свою злость на неудачи и нищету. Она явно получает садистское удовольствие от страданий жертвы и власти над ней. Самое ужасное: ребенок никогда не кричит. Он боится привлечь внимание соседей. Мамаша крепко вбила ему в голову: кому-то

скажешь – заберут в детский дом, там будут морить голодом и убьют. Об этом рассказала учительница физкультуры, которая давно заметила синяки и гематомы на теле мальчика. Пыталась организовать какую-то проверку, но Коркина всегда к ней готова. В квартире чисто, в холодильнике есть еда, ребенок нормально одет. И они вместе достоверно рассказывают, какой он неловкий. То падает с лестницы, то спотыкается на улице. Дом старый, денег на ремонт нет, поэтому на него якобы иногда падают предметы мебели и куски цемента со стен и потолка. Мать выражает озабоченность и говорит, что копит деньги, чтобы показать Петю специалисту: что-то не то с координацией движений. Это все катит! По одной причине: всем по барабану.

Лидия Никанорова. Чертов мрак. Пять лет назад ее свекровь Екатерина Никанорова подала на них с мужем иск в суд. Это не мать мужа Лидии, а вторая жена его отца. Мачеха и пасынок всегда друг друга недолюбливали. Никаноров-сын продал после смерти отца особняк в Подмосковье, завещанный ему с условием, чтобы вдова в нем осталась жить. Продал своими «депутатскими» способами. А это было единственное жилье Екатерины, жены отца. Ей предложили взамен небольшую квартиру в Москве, она отказалась. Приложила справки – астма, показан свежий воздух и все такое. Покойный муж Никаноровой был не последний чиновник, он продвинул сыночка, у нее тоже остались связи. История получилась долгая, грязная, с привлечением СМИ. Адвокаты предлагали ему выплатить ей компенсацию, чтобы она могла купить достойное жилье в таком месте, какое ей подходит. Но тут стороны уперлись, она отказывалась от предложенных сумм, требовала сразу дом не хуже того, который был продан, он по всему – скряга. Итог: в один день, год назад, все кончилось. У Екатерины Никаноровой случился инсульт, тяжелые последствия, почти не говорит, парализована, не в состоянии за собой ухаживать. Находится в небольшом участном доме инвалидов. И не было бы никаких проблем, если бы не один сохранный документ.

В тот самый вечер в квартире Никаноровых был громкий скандал. Когда раздался пронзительный женский вопль, соседи вызвали полицию. Наряд с районным следователем приехал, находился в квартире какое-то время, потом прибыл кто-то из управления. Наряд уехал, прибыла «скорая». Увезли в больницу, озвучили диагноз. Потом все изложенное выше. Моя информация: наряд, который приезжал по вызову соседей, в полном составе переведен в другое отделение. Следователь тоже, а через какое-то время он был уволен из органов. Никаких документов в архиве нет. Но есть человек. Он очень обижен, до сих пор нигде не работает. И он сумел унести протокол, который ему велели уничтожить. Уничтожил что-то другое. Собирался шантажировать, но духу не

хватило. «Грохнули бы меня только так», – говорит. Наряд обнаружил на полу женщину с огромной раной на затылке, она стонала. А Никаноров держал свою жену Лидию, которая в исступлении рвалась раненую добить. В ее руках была медная статуэтка. Точнее, балерина, вроде антикварная. Орудие преступления тоже изъяли, потом «потеряли». На самом деле статуэтка зарыта в надежном месте. Следак тоже не лыком шит. О том, что следователь вел оперативную съемку с того момента, как вошел в квартиру, никто даже не вспомнил. Он сам, поняв обстановку, и не напоминал, естественно. Оставил кино себе.

– Вот в общих и мелких деталях скромные портреты подруг твоего детства, госпожа оформитель. Думай о них, о себе. Если сможешь, принимай решения. То ли для себя, то ли для них, – так закончил свой доклад Кольцов. – Возможно, для всех вас настало время перемен. С ними справится, их примет только сильный духом.

В то утро Ольга ступила в перемены, как в реку, которая течет из ада в жизнь. Для начала она включила компьютер и пересмотрела все файлы. Тот случай, когда в деталях именно дьявол. Четкий и беспощадный пересказ детектива померк перед тем, что увидела Оля своими глазами. Перед тем, что услышала не ушами, а сердцем, чего коснулась обнаженными нервами. Она не пошла на работу и возвращалась к этому адскому просмотру вновь и вновь. Понимала только одно: если она не умрет до следующего утра, то, возможно, способна выжить в принципе.

На следующую ночь кошмарные видения смешались в голове с ее собственной катастрофой у песочницы-Голгофы. Сил уже не хватало ни на стон, ни на вздох. Но утром она встала. Ольга выжила.

Она вошла в рабочую колею не так, как будто ее ничего не выбивало из нее. Она вернулась к планам, обязанностям, творческим идеям почти со страстью, как человек, который вдруг осознал главное. Этого всего могло не быть: ни дела, ни вдохновения, ни свободного дыхания. Если бы она двадцать лет не поднимала себя с колен у той песочницы. Если бы во тьме отчаяния и робости не лелеяла тайную мечту о собственной силе. О том, что сила однажды родится из ее души, как прекрасное дитя из ослабевшего тела матери.

Ольга понимала: сейчас ее сила может проявиться только в решениях. Ей дан такой шанс. И она не будет ни ханжой, ни трусихой в выборе боевых средств. Мечь? А почему нет? Не за что разве? А ее многолетнее заточение в камере

нравственных пыток? Самосуд – нехорошо? А не достали ли ее вконец штампы? И потом, сейчас это не будет мстью за себя. У нее есть возможность помочь другим жертвам. Трупов не будет, не волнуйтесь, успокоила Оля своих внутренних оппонентов. Никаких конкретных решений не было. Нужно просто представить себе чистый лист бумаги, на котором появляется, уточняется эскиз, приобретает детали и краски рисунка. Все происходит само собой. Так будет и сейчас.

В бюро все ощущали особое, почти праздничное возбуждение, которое объяснялось объективными причинами. О них дал отличный материал с иллюстрациями авторитетный международный журнал, заказчиков было все больше. Появились по-настоящему сложные проекты по серьезным ценам. Колина идея о чулане с мишурой и позолотой для жлобов благополучно скончалась. Можно думать о расширении.

Одного постоянного посетителя Ольги коллеги воспринимали добродушно, с юмором и не без пикантных догадок. Высокий синеглазый блондин заходил в кабинет хозяйки непринужденно, как в свой собственный. Беседовали они всегда наедине, и, конечно, никто не поверил в байку, будто это какой-то частный детектив.

– Но шутка неплохая для такого несгибаемого честного человека, как Оля, – говорил специалист по осветительным приборам Кирилл. – И суть в том, что она считает более приличной версию о тайных заговорах с целью свержения, о поисках скелетов в шкафу, чем нормальную историю о мужчине, который элементарно запал на симпатичную женщину. Как он вам, кстати, дамы?

– Ох, – мечтательно закатывала глаза секретарь Вера. – Сказка-мечта.

– Не в моем вкусе, – поджимала губы дизайнер Ирина. – Как с плаката Минздрава или афиши голливудского боевика кисти маляра.

Сам объект обсуждений, однажды заглянув к Ольге вечером с очередным докладом, между делом заметил:

– Поскольку у меня уши сами собой поворачиваются на любой шепот и отголосок звука, могу тебе точно сказать: у тебя в конторе все считают меня твоим кавалером. Как минимум. И любовником как максимум.

– И отлично, – спокойно ответила Ольга. – Правды они никогда не узнают.

Она поймала долгий, изучающий взгляд Сергея, расшифровала его про себя. А в конце делового разговора сказала:

– Хочу кое-что прояснить, так нам будет легче понимать друг друга. Ты постоянно пытаешься многие детали адаптировать для моего инфантильного понимания, каким оно тебе кажется. Не делай этого. Я не старая дева, не синий чулок. Я по любому поводу в курсе. И опыт есть. Его не очень хочется касаться, потому что он такой, как вся моя жизнь: состоит из тягостных открытий и болевых ощущений. Нет, никаких извращенцев и садистов: просто неловкие прикосновения к душе. Так бы я сказала. А люди были совершенно нормальные, неплохие, просто не мои. Количество – два.

– Интересный ты человек, – произнес Сергей. – Любой контакт доводишь до совершенства с помощью ясности и правды в утонченной форме. Не оставляешь пустых пятен и облупленных углов. И ты необыкновенно привлекательная женщина. Ключевое слово – необыкновенно.

Перед сном Ольга долго сидела перед туалетным зеркалом. Никто никогда не узнает, какие контрастные отражения она там видела в разные моменты жизни. Бледный вытянутый овал с трагическими провалами глаз, похожий на испарение мертвого болота. Пылающее в белом пламени лицо со страшным, онемевшим от крика ртом. Вялое, нечеткое отражение той, которая все прошла и устала от самой усталости. И вдруг неожиданная, почти наглая надежда на какую-то победу. Зажженный тайным огнем зеленоватый, яркий взгляд, рыжая волна волос над светлым лбом. Как знамя бунтаря. Так биполярное же расстройство. Чего только не придумают врачи, чтобы объяснить необъяснимое: люди рождаются с разной плотностью кожи и несопоставимой шкалой боли. Что казнь для одного, то укус комара для другого. Возможно, Оля когда-то увидит в зеркале и то, о чем сказал Сергей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/mihaylova_evgeniya/zhizn-vopreki

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)